

Постановление Большой Палаты от 20 октября 2016 года по делу *Муришич (Muršić) против Хорватии* (жалоба № 7334/13)

Предшествовавшее решение: постановление от 12 марта 2015 года (Секция I) по делу *Муришич против Хорватии*.

Правовые категории: запрещение пыток; бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; условия содержания под стражей; недостаток личного пространства в тюрьме; переполненность тюрем; лица, находящиеся в заключении.

Фактические обстоятельства дела. Заявитель жаловался на условия содержания в переполненных камерах в тюрьме. В частности, он утверждал, что на протяжении в общей сложности пятидесяти дней, включающих в себя непрерывный период в двадцать семь дней, ему предоставлялось менее 3 м² личного пространства. Помимо этого, были периоды, когда личное пространство заявителя в камере составляло от 3 до 4 м².

Заявитель ходатайствовал о переводе в другую тюрьму, однако ему было отказано. Он обжаловал условия содержания в суд первой инстанции, который отказал в удовлетворении его жалобы. Его последующие жалобы также были отклонены.

Итоговый вывод решения: содержание в тюрьме в течение двадцати семи дней подряд в условиях, когда личное пространство, предоставленное заявителю, составляло менее 3 м², нарушило требования статьи 3 Конвенции (единогласно);

содержание в тюрьме в течение не следующих друг за другом периодов, во время которых заявителю было предоставлено менее 3 м² личного пространства, не нарушило требования статьи 3 Конвенции (10 голосов «за», 7 голосов «против»);

содержание в тюрьме в течение периодов, когда личное пространство, предоставленное заявителю, составляло от 3 до 4 м², не нарушило требования статьи 3 Конвенции (13 голосов «за», 4 голоса «против»).

Мотивы решения. По поводу предполагаемого нарушения статьи 3 Конвенции Европейский Суд указал следующее:

2. Краткое изложение соответствующих принципов

<...>

(b) Принципы, касающиеся переполненности тюрем

102. [В]ыработанные в правоприменительной практике Суда... принципы и стандарты для оценки проблемы переполненности тюрем... в частности, касаются следующих вопросов: 1) минимально допустимый размер личного пространства в местах лишения свободы в соответствии со статьёй 3 Конвенции; 2) возникает ли презумпция нарушения статьи 3 либо автоматическое нарушение статьи 3 Конвенции при размере личного пространства меньше минимально допустимого; и 3) какие факторы, если таковые имеются, могут компенсировать недостаток личного пространства.

<...>

(c) Краткое изложение соответствующих принципов и стандартов для оценки проблемы переполненности тюрем

136. [В] практике Суда преобладающим минимальным стандартом для многоместных камер в соответствии со статьёй 3 Конвенции является 3 м² личного пространства на каждого заключённого.

137. Когда заключённые, помещённые в многоместную камеру, располагают менее чем 3 м² личного пространства, переполненность считается настолько серьёзной, что возникает сильная презумпция нарушения требований статьи 3 Конвенции. Бремя доказывания обратного лежит на государстве-ответчике, которое... может опровергнуть эту презумпцию...

138. Сильная презумпция в пользу нарушения статьи 3 Конвенции обычно может быть опровергнута только ссылкой на следующие факторы, присутствующие в совокупности:

1) уменьшение личного пространства до размера менее 3 м² является кратковременным, нерегулярным и незначительным...;

2) такое уменьшение сопровождается значительной свободой перемещения и адекватными занятиями за пределами камеры...;

3) заявитель отбывает наказание в пенитенциарном учреждении, которое в целом отвечает надлежащим требованиям, и отсутствуют иные факторы, ухудшающие условия его пребывания...

139. Если на заключённого приходится от 3 до 4 м² личного пространства в камере, перенаселённость остаётся важным фактором при оценке Судом надлежащего характера условий содержания под стражей. В таких случаях Суд констатирует нарушение статьи 3, если фактор перенаселённости присутствует в совокупности с иными нарушениями условий содержания, связанными, в частности, с доступом к занятиям на улице, естественному свету, свежему воздуху и вентиляции, обеспечением комфортной температуры воздуха в

камере, возможностью пользоваться туалетом в уединении и поддержанием удовлетворительных санитарных и гигиенических стандартов...

140. [К]огда на каждого заключённого приходится более 4 м² личного пространства в многоместной тюремной камере и, следовательно, проблема перенаселённости не возникает, другие аспекты, касающиеся физических условий содержания под стражей... имеют значение для оценки соблюдения статьи 3 Конвенции...

3. Применение указанных принципов в настоящем деле

<...>

(а) Период, в течение которого заявителю предоставлялось менее чем 3 м² личного пространства

<...>

(а) Период длительностью в двадцать семь дней

<...>

152. Период в двадцать семь дней, когда личное пространство заявителя составляло всего 2,62 м², не может ставить под сомнение наличие серьёзной презумпции нарушения статьи 3 Конвенции.

153. На протяжении двадцати семи дней, в течение которых личное пространство заявителя в тюрьме... составляло менее чем 3 м², условия содержания заявителя под стражей являлись выходящими за пределы неизбежного страдания или унижения, связанного с нахождением в пенитенциарном учреждении, и поэтому условия содержания в этот период должны оцениваться как бесчеловечные или унижающие достоинство обращение по смыслу положений статьи 3 Конвенции.

(β) Оставшиеся периоды

154. Что касается оставшихся коротких периодов, в отношении которых сильная презумпция в пользу нарушения статьи 3 Конвенции может быть опровергнута на других основаниях, Суд должен обратить внимание на иные значимые факторы, а именно на возможность в достаточной мере свободно передвигаться и доступ к занятиям вне камеры, а также на общие условия содержания заявителя. <...>

<...>

169. [П]рименительно к другим периодам, в течение которых заявителю было предоставлено менее 3 м² личного пространства... Правительство успешно опровергло нарушение статьи 3. Эти не следовавшие друг за другом периоды, на протяжении которых заявитель имел возможность в достаточной мере свободно передвигаться и обладал доступом к занятиям вне камеры, могут рассматриваться как непродолжительное и незначительное уменьшение личного пространства. Более того, он содержался в пенитенциарном учреждении, в котором в целом созданы надлежащие условия пребывания.

<...>

(b) Периоды, в течение которых заявителю предоставлялось от 3 до 4 м² личного пространства

<...>

176. Учитывая вышеизложенные соображения относительно оставшейся части периода, в течение которого заявитель располагал менее чем 3 м² личного пространства... нельзя считать, что условия содержания заявителя под стражей в период, когда ему предоставлялось от 3 до 4 м² личного пространства, представляли собой бесчеловечное или унижающее достоинство обращение по смыслу положений статьи 3 Конвенции.

Акты международного права, использованные в постановлении: Пояснительный доклад к Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 года; Первый общий доклад о

деятельности ЕКПП 1991 года; Стандарты ЕКПП 2002 года; Доклад Международного комитета Красного Креста «Водоснабжение, санитария, гигиена и условия в тюрьмах» 2005 года; Европейские пенитенциарные правила 2006 года; Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключёнными (Правила Нельсона Манделы) 2015 года; Основные минимальные стандарты ЕКПП о норме жилой площади на одного человека в пенитенциарных учреждениях 2015 года.

Мнения судей: совместное частично особое мнение представили судьи Андраш Шайо (Венгрия), Луис Лопес Герра (Испания) и Кшиштоф Войтычек (Польша); совместное частично особое мнение представили судьи Мирьяна Лазарова Трайковска (бывшая югославская Республика Македония), Винсент Э. Де Гаэтано (Мальта) и Йонко Грозев (Болгария); частично особое мнение представил судья Пауло Пинту ди Альбукерке (Португалия).

Постановление от 17 апреля 2012 года по делу *Пехович против Польши*²⁶

Правовые категории: право на уважение частной и семейной жизни; частная жизнь; семейная жизнь; корреспонденция; пропорциональность вмешательства; лица, находящиеся в заключении; строгий режим содержания под стражей.

Итоговый вывод решения: продолжительный запрет на контакты лица с маленьким сыном и гражданской женой в период содержания под стражей нарушает статью 8 Конвенции (единогласно);

цензура корреспонденции лица, содержащегося под стражей, нарушает статью 8 Конвенции (единогласно).

Мотивы решения. По поводу предполагаемого нарушения статьи 8 Конвенции Европейский Суд указал следующее:

²⁶ Более подробную информацию о деле см. на с. 176.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНТАКТОВ ЗАЯВИТЕЛЯ С СЕМЬЕЙ В ПЕРИОД СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

<...>

(а) Принципы, вытекающие из правоприменительной практики Суда

212. Заключение под стражей... влечёт за собой существенные ограничения, накладываемые на частную и семейную жизнь. Однако право заключённого на уважение личной жизни предполагает, что представители государства должны позволить ему общаться с близкими родственниками или, в случае необходимости, помочь в организации контактов с ними...

Такие ограничения, как сокращение числа визитов членов семьи, контроль над тем, как данные визиты проходят, а также — в случаях когда это оправдано характером совершённого преступления — применение к лицу... особого режима заключения или специальных правил посещения являются вмешательством в осуществление права, предусмотренного статьёй 8 Конвенции, но, сами по себе, не нарушают его.

Тем не менее любые ограничения должны быть «предусмотрены законом», должны преследовать одну или более правомерную цель, предусмотренную пунктом 2 статьи 8 Конвенции, а также должны быть обоснованы как «необходимые в демократическом обществе»...

<...>

(b) Применение указанных принципов в настоящем деле

<...>

(iii) Было ли вмешательство «предусмотрено законом»

216. В первую очередь, Суд обращает внимание на [положения] Кодекса исполнения уголовных наказаний, который Правительство использует для обоснования применения ограничений к заявителю... Данное положение было признано Конституционным трибуналом Польши неконституционным, поскольку оно не определяет с достаточной чёткостью сферу и способы осуществления представителями государства полномочий в области ограничения права заключённого на визиты. Следовательно, в сходных делах против Польши Суд пришёл к выводу о том, что немотивированный отказ предоставить заключённому часы для визита родственников не может считаться «предусмотренным законом». Таким образом, подобное решение может расцениваться как произвольное, что является нарушением статьи 8 Конвенции...

217. Напротив, при рассмотрении дел, в которых представители государства приводили разумные доводы для принятия подобного решения в письменном виде, Суд расценивал отказ в предоставлении возможности встречи с родственниками как законный, а не произвольный...

218. В настоящем деле представители государства, отвечая на письменные ходатайства заявителя и его представителя, объясняли отказ в свиданиях особыми обстоятельствами дела, которые, по их мнению, препятствовали удовлетворению просьбы заявителя. Следовательно, данные ограничения могут быть расценены как «предусмотренные законом»...

(iv) Преследовало ли вмешательство в частную жизнь «правомерную цель» и было ли «необходимо в демократическом обществе»

219. [П]редставители государства мотивировали отказ в свиданиях заявителя с сыном «интересами ребёнка и возможностью получения дополнительных доказательств и фактов от [заявителя]». Хотя последнее основание вряд ли можно считать имеющим отношение к отказу властей предоставить заявителю возможность увидеться с сыном, который, очевидно, не имел никакого отношения к процессуальным действиям в отношении заявителя, первый аргумент может считаться «защитой прав... других» в том значении, которое придаёт этой фразе пункт 2 статьи 8 Конвенции.

Ограничения на контакты с гражданской женой были обоснованы тем обстоятельством, что в отношении неё были выдвинуты обвинения в ходе первого национального судебного разбирательства против заявителя... Соответственно, такие ограничения могут рассматриваться, как используемые в целях «предотвращения беспорядков или преступлений», что является правомерной целью в соответствии с Конвенцией.

220. <...>

Суд признаёт, что, принимая во внимание, что гражданской жене заявителя также было предъявлено обвинение в рамках того же судебного процесса, участником которого был сам заявитель, власти должны были ограничить контакты заявителя с ней в целях обеспечения процесса получения доказательств. На начальной стадии проведения расследования даже полный запрет на поддержание контактов мог быть оправдан необходимостью достижения правомерной цели государственными властями, хотя такой запрет с неизбежностью связан с серьёзными последствиями для личной и семейной жизни заявителя. Однако с течением времени, принимая во внимание строгость данной меры и общее обязательство государства по обеспечению возможности встреч заявителя со своей семьёй, ситуация может потребовать тщательного анализа необходимости поддержания полной изоляции заявителя от его гражданской жены...

[В] течение двух лет и трёх месяцев заявитель смог только один раз в течение шестидесяти минут поговорить с [женой], что произошло в самом начале срока его заключения... Одновременно заявителю сперва было отказано во встречах с его ребёнком, а затем данное право было ограничено... Контакты заявителя с матерью также были ограничены... К тому же... заявитель находился в одиночной камере большую часть времени, проведённого в тюрьме... Принимая во внимание эти обстоятельства, представители государства не могли не знать, что длительный и абсолютный запрет на контакты заявителя с гражданской женой должен был негативно сказаться на его семейной жизни. Несмотря на это, представители государства никогда не рассматривали возможности предоставления заявителю альтернативных способов поддержания связи с [гражданской женой]... [Тем не менее] такие альтернативные возможности прямо предусмотрены Кодексом исполнения уголовных наказаний. Если представители властей были убеждены, что «открытое посещение», позволяющее заявителю прямой физический контакт и неограниченную возможность общения с [женой], было непозволительным в интересах расследования, у них был выбор [среди таких возможностей, как] свидание под надзором со стороны тюремного надзирателя и предоставление визита без возможности непосредственного контакта. У них также была возможность установить иные ограничения на характер, частоту и продолжительность таких визитов... [Таким образом], принимая во внимание срок и строгость ограничений, Суд приходит к выводу о том, что они выходят за рамки тех мер, которые можно считать необходимыми в демократическом обществе «с целью предотвращения беспорядка и преступлений».

221. <...>

[У]читывая возраст ребёнка... представители государства были обязаны убедиться, что встречи с отцом будут проходить при участии третьей стороны. Посещение детьми (или, если говорить общими словами, несовершеннолетними) заключённых может требовать соблюдения специальных правил, что позволит учесть возраст посетителей, их эмоциональное состояние и иные обстоятельства. Поскольку заявитель был классифицирован как «опасный заключённый», государственные власти не могли игнорировать данный факт при принятии решения о формате встреч заявителя с сыном. Некоторые ограничения в обстоятельствах настоящего дела, таким образом, были необходимыми. Однако, так как был найден человек, согласившийся сопровождать сына заявителя во время посещений, а каких-либо неблагоприятных последствий для ребёнка по итогам визитов не было выявлено... не может быть оправдан полный запрет на встречи с сыном, установленный на период продолжительностью девять месяцев в 2006–2007 годах и впоследствии на период продолжительностью два месяца (с октября по декабрь 2007 года).

<...>

(VI) ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ
В СВЯЗИ С ЦЕНЗУРОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

<...>

(i) Наличие вмешательства

233. [З]наком «подвергнуто цензуре» были отмечены семь конвертов с письмами, направленными заявителю из различных национальных и наднациональных структур и адвокатом заявителя... <...>

234. Суд неоднократно отмечал, что пока власти Польши будут продолжать использовать практику маркирования писем заключённых знаком «подвергнуто цензуре», невозможно будет сделать иного вывода, кроме того, что письма заключённых были вскрыты и прочитаны... Таким образом, имело место вмешательство в право заявителя на уважение его корреспонденции...

*(ii) Письма, направленные из Главного управления полиции, Главного управления тюремной службы, Региональной инспекции тюремной службы города Варшавы, Управления комитета по вопросам европейской интеграции и ЕКПП***(а) Было ли вмешательство «предусмотрено законом»**

235. В соответствии с [положениями] Кодекса исполнения уголовных наказаний заключённый имеет право вести не подлежащую цензуре переписку с представителями исполнительной власти, принимающими участие в официальном расследовании... судами, другими государственными органами и органами местного самоуправления и Уполномоченным по правам человека. Согласно положениям этого кодекса переписка заключённого с органами, учреждёнными международными договорами по защите прав человека, ратифицированными Польшей, не могут подлежать цензуре...

(β) Заключение Суда

236. Поскольку в отношении вышеуказанных писем власти действовали вопреки явному законодательному запрету, их вмешательство не может быть признано «предусмотренным законом»...

*(iii) Письмо от адвоката заявителя***(а) Было ли вмешательство «предусмотрено законом»**

237. Согласно [положениям] Кодекса исполнения уголовных наказаний, переписка заключённого прекращается, подвергается цензуре или контролю по решению властей, под чьим наблюдением находится заключённый до того момента, пока они не примут иного решения... Оспариваемое вмешательство в личную жизнь, таким образом, было «предусмотрено законом»...

(β) Преследовало ли вмешательство «правомерную цель» и было ли «необходимо в демократическом обществе»

238. [Ц]ензура корреспонденции заявителя была связана с уголовным преследованием и продолжалась на протяжении его предварительного заключения, вследствие чего можно сделать вывод, что вмешательство в корреспонденцию заявителя с его адвокатом может быть оправдано целью «предотвращения беспорядка или преступлений».

239. Однако... любое лицо, желающее проконсультироваться с адвокатом, имеет право сделать это в условиях, благоприятствующих полному и беспрепятственному обсуждению. По этой причине отношения между адвокатом и его клиентом, в принципе, подлежат охране от вмешательства. Суд многократно подчёркивал значимость права заключённого на общение со своим адвокатом без вмешательства администрации пенитенциарного учреждения. Аналогичным образом, это утверждение верно и по отношению к представителям властей, проводящим расследование. Действительно, если бы адвокат был неспособен общаться со своим клиентом без надзора со стороны властей и не мог бы получать конфиденциальные

инструкции от него, такая правовая помощь потеряла бы большую часть своей пользы, в то время как Конвенция направлена на обеспечение практически осуществимых и эффективных прав. <...>

Перлюстрация переписки заключённого с его адвокатом может быть оправдана только при наличии исключительных обстоятельств, которые позволяют государственным властям сделать разумное предположение, что такие письма будут содержать информацию, угрожающую тюремной безопасности, безопасности других лиц или иную противоправную информацию. <...>

240. В данном случае Суд не видит каких-либо доказательств, подтверждающих, что государственные власти действовали на основании разумного подозрения о том, что содержание переписки между заявителем и его адвокатом... составляло опасность для безопасности тюрьмы, или что в конверте содержались незаконные материалы. Также не усматривается наличие каких-либо иных исключительных обстоятельств, оправдывающих вмешательство в тайную переписку. <...>